

Так для Шэн Синъюаня началась снайперская служба.

Если не считать затертого «Руководства снайпера», которое он когда-то мельком листал у Хань Жуя еще в роте новобранцев, о тонкостях этого ремесла он не имел ни малейшего представления. И хотя теперь его подготовкой лично занялся помощник командира отделения Лу Ливэнь, даже нынешние уроки разительно отличались от того, как тренируют настоящих мастеров.

— Ты сначала автомат научись твердо держать, а потом уже о снайперском деле рассуждай, — усмехнулся Лу Ливэнь в ответ на нерешительный вопрос новобранца.

— И что мне тогда делать?

— Начнем с азов, — невозмутимо отчеканил Лу Ливэнь.

Умение держать оружие — фундамент, на котором держится все остальное. А душевное равновесие — залог того, что в решающий миг ствол не дрогнет.

Эти дополнительные занятия помком устраивал для Синъюаня сверх обычной программы. В «Железной третьей роте» распорядок дня и без того был расписан по секундам, так что выкраивать часы на индивидуальные тренировки приходилось с боем — словно выжимать до последней капли и без того сухую губку.

— Ну как, живой еще? — поинтересовался Лу Ливэнь.

Помком сидел рядом, скрестив ноги, и лениво наблюдал, как Шэн Синъюань плавится под полуденным солнцем, отрабатывая удержание автомата из положения лежа.

— Так точно, — выдохнул Синъюань.

Жара с каждым днем крепла. Распластавшись по раскаленной земле, парень чувствовал, как онемели руки. Крупные капли пота ползли по лицу, разъедая сухие, воспаленные от пыли глаза.

— Не вилять стволом! — прикрикнул Лу Ливэнь и несильно пнул его по ноге, стоило дульному срезу качнуться на миллиметр.

Синъюань лишь крепче сжал зубы и стерпел.

— Думаешь, я над тобой издеваюсь? — ухмыльнулся помком.

— Никак нет.

— Хочешь стать лучшим — умеешь терпеть то, чего другие не выдерживают. В армии пробиться тяжело, а уж выжить у нас в третьей роте — тем более.

— Понимаю.

— Я ведь знаю, что ты из обеспеченной семьи, да еще и с университетским дипломом. Но здесь на это всем плевать, — Лу Ливэнь усмехнулся. — Армия признает только силу. Можно три года пахать как проклятый, а можно просто пинать воздух. Но если пройдешь эту школу честно, обретеешь богатство, которое останется с тобой на всю жизнь.

Шэн Синъюань промолчал. Он искренне не понимал, о каком таком бесценном багаже толкует помком. Неужели его можно обрести, просто валяясь под палящим солнцем по два часа в день?

Заметив на лице подчиненного скепсис, Ливэнь не стал развивать тему. Парень был сообразительным, ловил все на лету, но мыслил слишком приземленно. Армейский мир устроен просто: подчиняйся, выкладывайся на полную — и результат придет сам собой. Помком не сомневался, что с такими данными Шэн Синъюань пойдет далеко. Даже если после службы он решит вернуться на гражданку, закалка и навыки, полученные здесь, помогут ему свернуть горы.

Истинная ценность заключалась не в материальных благах и не в сухой технике стрельбы. Важен был характер. Крепкий, как дамасская сталь.

— Куда смотрим? — очередной чувствительный пинок вернул Синъюаня к реальности.

— Докладываю: в левый глаз песок попал! — парень часто замигал, его левый глаз успел изрядно покраснеть.

— Ладно, на сегодня закругляемся, — сверившись с часами, Лу Ливэнь поднялся и отряхнул штаны. Время тренировки давно истекло, и он решил сжалиться над подопечным.

— Спасибо, помком! — выдохнул Синъюань, но поднялся не сразу. Из-за долгой неподвижности суставы затекли так, будто его тело превратилось в кусок сухого дерева.

— А ну-ка, покажи глаз, — Лу Ливэнь притянул его к себе за плечо, пристально вглядываясь в покрасневшее веко. — Сильно колет?

— Есть немного.

— Давай дуну, — для стрелка беречь зрение — первая заповедь. Помком посерьезнел,

приблизился и осторожно подул Синъюаню в левый глаз.

Синъюань неловко замер. Он понимал заботу командира, но близость казалась излишней.

— Помком, да я сам потерплю, проморгаюсь...

— Дурак совсем? Тереть нельзя, занесешь грязь. Шире открой, пусть слеза вымоет, — Ливэнь перехватил его руку, не давая лезть к лицу. — Ну как, вышло?

— Кажется, вышло, — парень моргнул несколько раз. Жжение действительно утихло.

— Тогда свободны. В распоряжение.

— Есть!

Когда они вернулись в казарму, большинство сослуживцев вовсю наслаждались полуденным отдыхом.

— О, вернулись? — подал голос Гао Цзяньго. Командир первого отделения сидел у стола и увлеченно что-то царапал на листке бумаги.

— Что строчишь? — Лу Ливэнь облокотился о край стола, с любопытством заглядывая через плечо товарища.

— Да так... ничего особенного, — Цзяньго заметно замялся и торопливо прикрыл ладонью исписанный лист.

Ливэнь бесцеремонно отодвинул его руку и заговорщически подмигнул:

— Да ладно тебе шифроваться! Как будто я не знаю. Своей Сяолань весточку шлешь, верно?

— Отвали, — беззлобно огрызнулся Гао, хлопнув его по пальцам. — И вообще, завязывай со своими нежностями. Для тебя она — будущая невестка!

— Так вы еще не расписались! — шутливо возмутился помком. — Уже и назвать ласково нельзя.

— Вот найдешь себе зазнобу, тогда и командуй, — Гао Цзяньго снова уткнулся в письмо,

бережно прикрывая его локтем.

— Подумаешь! Моя будущая невеста будет краше твоей Сяолань в стократ.

— С лица воду не пить, — хмыкнул Гао. — Главное, чтобы жена была заботливой, хозяйственной да ласковой.

— И где ж ты такую идеальную в наши дни найдешь?

На губах командира отделения расплылась блаженная улыбка:

— А моя как раз из таких...

— Раз так, пускай невестка мне подругу сосватает! — Лу Ливэнь тут же сменил тон на заискивающий и просиял в улыбке.

— Еще чего! Сгинь, не мешай писать.

— Братуха, ну ты же мне как родной...

— Пошел вон!

Глядя на эту шутиливую перепалку, Шэн Синьюань не выдержал и негромко фыркнул.

Лу Ливэнь резко развернулся. Заметив, что новобранец греет уши и развлекается за его счет, он нацепил на себя грозную мину:

— А ну отставить смешки! Быстро отдыхать! Вечером у нас дополнительная тренировка.

— Есть! — парень потер нос и примостился на табуретку возле своей двухъярусной кровати.

Но едва опустившись, он тут же вскочил на ноги. Какое-то смутное чувство подсказывало, что в комнате чего-то не хватает. Вернее, кого-то.

— Потерял чего? — лениво поинтересовался Лао Нью, старый солдат с соседней койки.

— А где Хань Жуй? — озвучил Синьюань свою догадку. Обычно в тихий час тот всегда валялся на его кровати, они тихо переговаривались или спали плечом к плечу. А сегодня место пустовало.

— А, ушел куда-то, — буркнул Лао Нью и снова уткнулся лицом в подушку. — Наверное, в уборную побежал.

Синъюань кивнул и искать его не пошел. Слишком навалилась усталость от тренировок Лу Ливэня. Прислонившись спиной к дужке кровати, он прикрыл глаза и мгновенно провалился в тяжелый, беспросветный сон.

Хань Жуй вернулся в расположение перед самым подъемом. С порога его лицо выражало крайнюю степень недовольства. Впрочем, сослуживцы привыкли к его суровому нраву и вечной угрюмости, поэтому расспрашивать не стали — мало ли что стряслось у парня.

Синъюань проспал без задних ног и очнулся лишь по свистку на вечерние занятия.

— Шэн Синъюань, шевелись! — зычно крикнул из коридора помком Лу.

— Есть! — плеснув в лицо ледяной водой, парень пулей выскочил строиться на плацу.

Они с Хань Жуем по привычке оказались плечом к плечу в строю. Синъюань тихонько толкнул его локтем:

— Ты когда вернулся? Чего меня не разбудил?

Обычно они все делали вместе, но сегодня Хань Жуй проигнорировал соседа, ушел строиться в одиночку и даже словом не обмолвился.

Хань Жуй лишь смерил его ледяным, колючим взглядом и снова уставился строго перед собой, каменно выпрямив спину.

«Да что с ним стряслось-то?» — недоумевал Синъюань.

От фигуры товарища так и веяло морозной, давящей яростью. Даже самый непрошибаемый человек почувал бы эту ауру, а Синъюань чувствовал малейшие колебания настроения Жуя. Он тщетно перебирал в памяти события утра, пытаясь понять, где успел наступить Хань-е на мозоль. Ничего не придумав, он послушно пошагал в составе коробки на спортивный городок.

После стандартного разогрева роте предстояло сдать норматив по преодолению четырехсотметровой полосы препятствий.

Командир роты У Тао стоял у кромки поля, уперев руки в бока, и придирчиво оценивал работу

отделений. Новобранцы уже освоились в роте и под строгим присмотром старослужащих постепенно переходили к боевой подготовке. Полоса препятствий — классическое армейское испытание, и для бойцов «Железной третьей» она всегда была главным мерилем выносливости и характера.

— Пошел! Быстрее! — подбодрил свое отделение Гао Цзяньго и первым рванул на снаряды.

Синъюань уселся на траву рядом с Хань Жуем и, пытаясь растопить лед, завязал разговор:

— Как думаешь, командир сегодня рекорд побьет? Выжмет меньше полутора минут?

Для норматива «отлично» требовалось уложиться в минуту и пятьдесят секунд, а результат меньше минуты тридцати считался гроссмейстерским.

Хань Жуй медленно повернул к нему голову, посмотрел в упор и не проронил ни звука.

— Да господи, Брат Жуй, ну в чем дело? — взмолился Синъюань. Если уж он виноват, то хотел хотя бы знать, за что удостоился такой немилости.

— Ни в чем, — глухо и отрывисто бросил Хань Жуй.

— Я где-то накосячил? — парень нахмурился, лихорадочно прокручивая в голове события дня. Утром Хань Жуй вел себя как обычно, а за несколько часов превратился в ледяную глыбу. Значит, что-то произошло во время обеденного перерыва. Но Синъюань весь полдень торчал на солнцепеке с помкомом Лу! У него физически не было возможности досадить другу.

Хань Жуй лишь пренебрежительно фыркнул, полоснув его бритвенно-острым взглядом.

У Синъюаня внутри все похолодело. Дело пахло керосином, хотя причина оставалась загадкой.

— Командир отделения допек? Или из парней кто-то взбесил?

— Нет.

— Тогда, может, из штаба роты кто-то?

— Да никто меня не трогал! — с явным раздражением оборвал его Жуй.

«Если никто не трогал, какого черта ты на меня волком смотришь?» — у Синъюаня тоже начало закипать раздражение, но он подавил порыв. Привычка сглаживать острые углы в отношениях с Хань Жуем взяла верх. Он решил перевести все в шутку:

— С чего тогда мина кислая? У тебя что, эти самые дни начались?

Жуй опешил:

— Какие еще дни?

— Ну, когда раз в месяц... зубы на полку и характер портится, понимаешь?

В казарме, где из лиц женского пола водились разве что случайные мухи, пошлые шуточки и армейский юмор были обычным делом. За долгие ночные разговоры новобранцы, изнывающие от гормонального голода, успели обсудить женскую анатомию до мельчайших подробностей. Поэтому шутка про «критические дни», когда кто-то из парней без видимой причины начинал истерить или замыкаться в себе, давно стала локальным мемом первого отделения.

Но безобидная колкость возымела обратный эффект. Глаза Хань Жуя вспыхнули неподдельной яростью:

— Ты совсем из-за баб рассудок потерял?!

— Что? — Синъюань растерялся от такого напора.

— Нечего баб совать, когда... — Жуй осекся на полуслове, словно вовремя прикусил язык.

— Слышь, ты чего несешь-то? Договаривай, — окончательно запутавшийся Синъюань потянул сослуживца за рукав гимнастерки.

Жуй дернулся, собираясь высказать все, что думает, но в этот момент к ним подлетел разъяренный Лао Нью, только что вернувшийся с финиша:

— Хань, выручай! Порви их за меня!

— Когов порвать? — переключился Хань Жуй.

— Да помощник командира третьего отделения, козел паршивый! Обогнал меня всего на секунду и теперь ходит, хвост задрав. На одну долбаную секунду, прикинь! — Лао Нью в ярости сплюнул и показал кулак в сторону расположения конкурентов.

Все стало ясно. Лао Нью и помощник командира третьего отделения давно питали друг к другу нежные чувства в кавычках. Каждая их встреча на полосе препятствий превращалась в дуэль, а последующий взаимный стеб стал привычным ритуалом.

— Ты должен отстоять честь нашего отделения! Обойдешь его — с меня пачка отличных сигарет!

— Идет, — Хань Жуй поднялся на ноги и легкой трусцой направился к стартовой линии.

— Под ноги смотри! — крикнул ему вслед встревоженный Синъюань.

Фигура Жуй на миг напряглась, но он даже не обернулся.

Благодаря отцу-офицеру Хань Жуй с самого детства ошивался при штабах и казармах. Мать часто приковывала к постели болезнь, отцу было вечно не до сына, так что предоставленный самому себе мальчишка спасался от одиночества среди солдат. Неудивительно, что армейский быт и основы строевой да физической подготовки он впитал чуть ли не с молоком матери. Природа наградила его отменным здоровьем и цепким умом, поэтому четырехсотметровка никогда не была для него препятствием. Если обычные бойцы пытели, пытаясь уложиться в нормативные «отлично», Хань Жуй при должном настрое вполне мог выдать фантастические полторы минуты. Гао Цзяньго сразу разглядел в нем скрытый потенциал и готовил из парня лидера отделения.

На полосе препятствий физическая мощь решает далеко не все — здесь нужен холодный расчет. Грамотно распределить силы на каждом метре дистанции — вот залог победы. Но сегодня Хань Жуй вел не разум, а слепая злость.

Преодолев первый стометровый рывок, он пулей взлетел на деревянные столбы, пронесся по двухметровому забору и проскочил по узкому бревну. В глазах парня горел яростный огонь, он буквально летел над препятствиями. Однако человеческий организм имеет предел прочности. На обратном пути, когда нужно было распластаться по грязи под колючей проволокой, Синъюань заметил, как движения товарища на долю секунды потеряли былую четкость.

— Хань Жуй! — Шэн Синъюань взволнованно вскочил с места.

— Чего ты подхватился? — недоуменно осадил его Лао Нью. — Красиво же идет парень!

— Он загоняет себя! — выдохнул Синъюань. Голова Жуй явно была забита чем-то посторонним, иначе он ни за что не допустил бы такую детскую тактическую ошибку, выложившись в самом начале.

— И отлично! — одобрительно хлопнул в ладоши старый солдат. — В нашем деле без злости никуда. Только так нормативы и рвут!

Синъюань лишь горько усмехнулся про себя. Знал бы Лао Нью, какая буря бушует сейчас в душе этого молчуна. С такой безумной самоотдачей беда была неизбежна.

Предчувствие его не обмануло. Спустя мгновение, при штурме высокой глухой стены, Хань Жуй сорвался и кубарем полетел вниз.

— Жуй! — Синъюань дернулся вперед, готовый бежать на полосу.

— Стоять! — Лао Нью мертвой хваткой вцепился ему в плечо. — Не смей мешать, пока он на дистанции.

— Но он же... — парень места себе не находил от беспокойства. Хань Жуй никогда раньше не допускал ошибок на снарядах, а падение с двухметровой высоты на жесткую землю грозило серьезными травмами.

— Подумаешь, приложился! — отмахнулся ветеран. — Тут у каждого второго кости трещали. В армии без этого не бывает.

Синъюань не нашелся что ответить. Пока они спорили, Хань Жуй уже вскочил на ноги, словно не чувствуя боли. Одним мощным рывком он вновь взлетел на препятствие и без единой заминки финишировал.

— Ну, что я говорил? — Лао Нью самодовольно хмыкнул и отвесил шутливый поклон в сторону приунывшего помощника командира третьего отделения. — Парень железный!

Облегченно вздохнув, Синъюань поспешил навстречу тяжело дышащему товарищу.

— Живой? Как ты? — спросил он, едва Хань Жуй доковылял до лавки.

Жуй молча мотнул головой, но его походка выдавала сильную боль.

— Где ушибся? — Синъюань без лишних слов осторожно прикоснулся ладонью к его пояснице.
— Здесь прилетело?

Хань Жуй попытался отстраниться, но резкое движение отозвалось острой болью:

— Ш-ш-ш...

— Болит все-таки? — Синъюань проигнорировал попытку сопротивления и мягко, но настойчиво приобнял его за талию, фиксируя корпус. — Обычный же забег, зачем было так убиваться? Покажи сейчас же.

— Нормально все, пусти, — буркнул Жуй, перехватив его запястье.

— Издеваешься? У тебя на лице все написано, — Синъюань сердито зыркнул на него. — Дай посмотрю!

Видя, что спорить с Синъюанем бесполезно, Жуй слегка сдался:

— Давай в казарме... Чего при всех-то устраивать.

Гордость не позволяла ему признать слабость перед всей ротой.

«Ладно, побережем твое самолюбие», — мысленно вздохнул Синъюань и мягко улыбнулся:

— Договорились. Но если совсем прижмет, сразу говори, отведу в санчасть.

— Я тебе девчонка кисейная, что ли? — недовольно буркнул Хань Жуй.

— Конечно-конечно, ты у нас из чистой стали отлит, — ласково съязвил Синъюань. — Хватит бубнить, садись уже.

Он усадил упрямца рядом с собой и, прикрывая свои манипуляции широкой спиной сослуживца, незаметно запустил руку Хань Жую под ремень, аккуратно разминая ушибленные мышцы поясницы.

Почувствовав заботливое тепло чужих пальцев, Хань Жуй заметно расслабился. Лед, сковавший его лицо с самого обеда, начал медленно таять. Среди шума и криков кипящего плаца этот тихий уголок стал для них островком покоя и немного взаимопонимания.

Но идиллия длилась недолго. К ним, весело утирая пот со лба, подошел Лу Ливэнь:

— Ну что, Синъюань, твой выход настал! Пора показать, на что способен.

— Уже? — парень нехотя убрал теплую ладонь с поясницы Жуя и поднялся на ноги.

— Постарайся как следует! Покажешь хороший результат — организую поощрение! — помком смачно хлопнул Синъюаня по плечу.

Тот шутливо вытянулся по струнке:

— Так точно, помком! Не подведу!

— С богом, давай вперед, — Ливэнь шутливо подтолкнул его коленом под зад.

Синъюань с веселой улыбкой обернулся, чтобы поймать ободряющий взгляд Хань Жуя, но наткнулся на глухую стену. Лицо Жуя вновь мгновенно покрылось непроницаемым, мертвенно-холодным панцирем, а в глазах застыла глухая, темная обида.

<http://bllate.org/book/18240/1765402>